

**АНДРЕЙ
ВЯЗИГИН**

ВАСИЛИЙ
ЛЬВОВИЧ
ВЕЛИЧКО

Андрей Вязигин
Василий Львович Величко

«Public Domain»

1904

Вязигин А. С.

Василий Львович Величко / А. С. Вязигин — «Public Domain»,
1904

«Ко дню памяти – 31 декабря/13 января – замечательного русского поэта, публициста, одного из организаторов «Русского собрания» В. Л. Величко (2.07.1860 – 31.12.1903) мы публикуем статью (из журнала «Мирный Труд». 1904. N 5) его соратника, лидера фракции правых в 3-й Государственной Думе, профессора Харьковского университета Андрея Сергеевича Вязигина...»

© Вязигин А. С., 1904

© Public Domain, 1904

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

8

Андрей Вязигин Василий Львович Величко

Ко дню памяти – 31 декабря/13 января – замечательного русского поэта, публициста, одного из организаторов «Русского собрания» В. Л. Величко (2.07.1860 – 31.12.1903) мы публикуем статью (из журнала «Мирный Труд». 1904. N 5) его соратника, лидера фракции правых в 3-й Государственной Думе, профессора Харьковского университета Андрея Сергеевича Вязигина.

Публикацию подготовили составители сборника трудов А. С. Вязигина «Манифест созидательного национализма» (М.: Институт русской цивилизации, 2008) профессор А. Д. Каплин и гл. редактор РНЛ А. Д. Степанов.

Постраничные сноски перенесены в окончание текста и оставлены без изменений. Общее название дано составителями.

* * *

Василий Львович Величко

Сегодня исполнилось 40 дней от безвременной кончины известного поэта и публициста В. Л. Величко, всего только три месяца назад приславшего нам «братский привет» и горячее пожелание: «дай Бог новой русской дружине успешно и славно служить родному нам делу».

Даже на смертном одре, в тяжких муках болезни, он много говорил о харьковском Отделе, ждал от нас вестей, горел желанием сделать полезные указания для роста его влияния... Связь с нами стала как бы наследственной: родные В.Л., узнав о сборе Отделом денег на военные нужды, пожертвовали 25 экз. его сочинений, с тем чтобы вся выручка была присоединена к нашей небольшой лепте. Вот почему на нас сугубо лежит священный и скорбный долг помянуть усопшего теплой молитвой и ознакомить, хотя в общих чертах, с его безтрепетным служением русскому делу.

В. Л. Величко был нашим земляком, уроженцем «благословенной Украины». Его род целые столетия обладал поместьями в Прилукском уезде, Полтавской губернии, и принадлежал к малороссийской знати. И вот, потомок Самуила Величко, знаменитого малорусского летописца и секретаря Мазепы, всю свою деятельность обличает несостоятельность призывов к борьбе с «чужинцами», выступает знаменосцем «Русского Соборания» в Петербурге, выдаваемого недругами за сонмище «москалей поганых», за исключительное проявление великорусской замкнутости: чуждый узкого, местного патриотизма, покойный беззаветно и самоотверженно любил Россию, для которой, как для настоящей общей нашей матери, нет ни «хохлов» ни «кацапов». Величко и был убежденным поборником общерусской идеи; служению ей он отдал все свои богатые дарования, даже самую жизнь: ранняя смерть его была вызвана слабостью сердца, утомленного великими испытаниями и бедами; железное, богатырское здоровье не вынесло тяжких превратностей, выпавших на долю покойного в награду за мужественное отстаивание русских интересов.

Легко и радостно начиналась литературная деятельность юного поэта, печатавшего свои изящные произведения, еще на скамье училища правоведения. Недюжинный талант открыл Величко страницы журналов самых противоположных направлений. Дружные похвалы критики приветствовали его первый сборник стихотворений. Казалось, только успех и слава ждали впереди носителя лучших преданий пушкинской школы. Но горячая природа казака не могла удовлетвориться поэтическими лаврами; она жаждала борьбы, подвига за родное русское дело, победы над его злыми врагами. Веселым и жизнерадостным вступил Василий Львович, в качестве редактора тифлисской газеты «Кавказ», на тернистую стезю публицистики. Тяжелым оказалось для него новое поприще, превратившее «жреца поэзии чистой» в страстного борца за русские начала: «я лично на себе испытал радикальный переворот, пишет Величко¹, под влиянием ряда ярких, вопиющих фактов, воочию доказавших мне и несостоятельность и глубокую безнравственность... буржуазно-либерального исповедания. Мне довелось видеть на кавказской окраине, как плутократическая армянская стачка, захватив в свои руки все жизненные силы целого края, не исключая совести многих представителей служилой интеллигенции, орудовала всеми заповедями либерализма для того, чтобы совершать и прикрывать самые безчеловечные, самые противообщественные деяния. Выборное начало служило незаконному преобладанию и неправому стяжанию армянских богачей; формально-правовой порядок – успехам, опять-таки, представителей этого изворотливого народца, с которыми на поприще судебной казуистики не могут соперничать сыны племен, более наивных и благородных, в том числе русские. Отсутствие искренно продуманного национального направления в экономической политике повлекло за собой материальное закабаление даже представителей «господствующей народности», которая, для блага самих же кавказских туземцев, должна бы занимать в крае достойное, авторитетное положение. Мучительно, до нестерпимости, было глядеть на неизъяснимые, бросающие тень на наши правящие классы, страдания русских простолюдинов, погибавших и от беспомощности в тяжелых естественных условиях, и от нестроения местных дел, и от сатанинской безчеловечности враждебно влиятельных инородцев. Эпопеи духоборческая и переселенческая таковы в своих подробностях, что свидетелям хоть некото-

¹ В. Величко. «Русские Речи». Русский Вестник. 1902 года № 5, стр. 121 и сл.

рых эпизодов, нельзя вспоминать о них без суеверного ужаса. Любому русскому интеллигенту, заучившему на школьной скамье ряд теоретических воззрений, не оправдываемых жизнью, полезно было бы поближе присмотреться к тому, что совершается в этом крае. При малейшей склонности к добросовестному, самостоятельному мышлению, он сперва будет испуган и возмущен, а потом взглянет на указанные явления, как на пробный камень, неопровержимо доказывающий нелепость или неискренность шаблонно-либеральной программы. Но вот что особенно типично: всякий раз, когда приходилось разоблачать наглядными фактами те или иные темные стороны местной жизни – это вызывало яростнейшие нападки со стороны наиболее известных представителей современной либеральной печати. Этими последними наглядно проявлялось чувство совершенно одинакового достоинства с чувством дореформенных взяточников, готовых утопить в ложке воды всякого, кто откроет те или иные темные шашни. Вначале я приписывал это явление недоразумению, клевете, устно и письменно выяснял некоторым, лично знакомым, ревнителям «прав человека» истинное положение вещей; показывал им характерные письма духоборов, русских простолюдинов, наконец, даже туземцев, пригнетенных местною инородческою плутократией; ссылался на факты, официально констатированные лучшими представителями русской власти». «На одной чашке весов – реальные народные страдания, издевательство над законом, нравственностью, культурой; на другой – приверженность к программе, которая опровергается и наукой и жизнью. Что перевесит? Неужели факты, наглядные, бесспорные не имеют силы убеждения?». . . . Оказалось, что не имеют. Обличения В. Л. Величко только сделали его предметом злобной ненависти всемогущих инородцев и превратили его в глазах наших «либералов» в «мракобеса» и «человеконенавистника». Все было пущено в ход против него, ибо надо было заставить замолчать смелый и правдивый голос. Достаточно прочесть роман Величко «Нор-Кагак», чтоб понять, в какой ужасной среде ему приходилось отстаивать русские интересы. Немудрено было сделать неосторожный шаг, которым не замедлили воспользоваться его враги: внезапно он был лишен редакторства накануне преддверия нового года и с опасностью для жизни покинул Кавказ ночью 31 декабря 1899 года. Ему не дали даже закончить год! По свидетельству достоверных лиц, в Тифлисе не хватило шампанского для празднования инородческими богачами победы над русским независимым человеком. Ему пришлось спасать в Петербурге даже свое доброе имя² ценою навсегда подорванного здоровья и гибели материального благосостояния: «для выплаты заключенных при внезапной сдаче газеты займов, он должен был заложить свое родовое имение». Хотя его исстрадавшееся сердце мучила «боязнь потерять землю, из преемственной, родовой связи с которою органически вытекало его мировоззрение», он не внял советам друзей и, осудив себя на лишения, отказался просить о возмещении убытков.

² Апраксин и Бурнашев. Последние дни Велички. Стр. 2. Москва 1904 г.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.